

НЕОЖИДАННЫЕ ЮБИЛЕИ

Главный режиссер «Ленкома» поздравляет с 70-летием двух своих актеров — народного артиста СССР Леонида Броневского и народного артиста России Юрия Колычева

Независимая газета. — 1998. — 17 дек. — с. 7

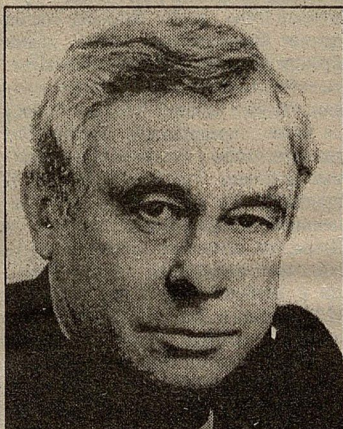
Марк Захаров

ДЛЯ МЕНЯ явилось некоторой неожиданностью, что вдруг двум ведущим, любимым артистам нашей труппы исполняется 70 лет. Цифра не очень хорошая, хотя бывают и исключения. Бывает, что и в 70, и в 80, и в 90 лет человек находится в дееспособном и прекрасном творческом состоянии — такие возможности человеческого организма демонстрируют, например, Дмитрий Сергеевич Лихачев и некоторые другие деятели нашей культуры. Поэтому мне хочется пожелать двум замечательным артистам «Ленкома» — Леониду Сергеевичу Броневому и Юрию Осиповичу Колычеву — прежде всего творческого долголетия.

О Леониде Сергеевиче сказано столько, так много и так часто умные люди высказывались о его творчестве, его заслугах в кинематографе и театре, что добавить что-то новое мне очень сложно. Ну, конечно, стать живой легендой и персонажем анекдотов, персонажем современного фольклора — это редкая доля, редкая удача в жизни. Не знаю, с кем еще его можно сравнить в этом плане. Мне всегда очень много значит для тех спектаклей и для тех фильмов, в которых играет.

Надо сказать, что Броневый обладает потрясающей способностью к коллекционированию. Способность артиста или режиссера к коллекционированию — это такой особый дар, когда человек запоминает, впитывает и фиксирует все нюансы человеческих отношений, все поступки, слова, деяния, которые происходят, главным образом, за пределами театра. Подсмотреть там, в жизни, за стенами театра — это Леонид Сергеевич умеет.

Мое окончательное решение, что мы должны работать вместе, созрело много лет назад, когда происходили первые наши встречи в кинематографе. Он показал мне маленький этюд, маленькую такую зарисовочку — крупного номенклатурного деятеля, военачальника, который смотрит из окна Академии на припаркован-

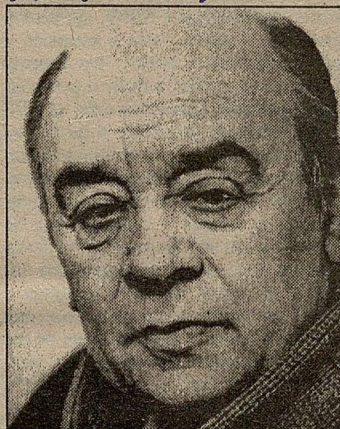

Юрий Колычев.

ную возле здания машину, замечает одну иномарку и своеобразным образом реагирует на эту иномарку. Спрашивает, что за человек — владелец, кто его отец, откуда он, из какой семьи и почему здесь иномарка. Это было лет двадцать тому назад. В этом было очень точное понимание стиля номенклатурного мышления. Умение ухватить какие-то психологические тонкости существования человеческой личности соединяется в нем с тем, что можно назвать социально-политическим мышлением. Этот синтез очень характерен для Броневского и определяет его ценность как актера для меня лично.

Броневый со своим знаменитым Мюллером вошел в мою программу преподавания режиссуры в Российской академии театрального искусства, где я на режиссерском факультете веду мастерскую. Я пытаюсь со студентами проанализировать его существование в этом фильме. Мюллер для меня до сих пор остается некоей загадкой. Например, его подергивание головой — немотивированное, вне логики... В этом заключено почти гипнотическое воздействие на зрителя. Мюллер для меня — страница учебника по режиссуре и по актерскому мастерству.

Не хочу здесь упоминать о всех тех работах, которые мы с Броневым сделали вместе. Слава Богу, Леонид Сергеевич сейчас очень

Леонид Броневый.

много занят в репертуаре. Жизнь переменчива — еще несколько лет назад он мне жаловался, что мало работает, а сейчас, хотя, правда, и не жалуется, я вижу по его печальным глазам, что количество спектаклей иногда переваливает за все допустимые нормы — порой он просто, что называется, не выходит из театра.

Что касается Юрия Осиповича Колычева, то я, может быть, даже не сумею как следует объяснить ему в любви, хотя очень этого хочу. Другим нашим звездам — Чуриковой, Караченцову, Абдулову, Янковскому — очень помог кинематограф. Кинематограф в свое время, когда люди еще ходили в кино, очень многое давал для артиста — для его уверенности, для его популярности, для его творческого самочувствия. А уверенность на сценических подмостках — очень важное качество, которое передается моментально в зрительный зал. Вообще, зрительный зал, наблюдая за актерским ансамблем, подсознательно всегда понимает, кто сколько получает денег, у кого какая ставка, кто сделал уже много, а кому приходится стараться и лезть из шкуры, чтобы показать свою необходимость для труппы.

У Юрия Осиповича не было такой мощной подпорки в виде кинематографа. Он, хотя и снимался в кино, не занял там какого-то особого положения. Поэтому то, что он сумел, только работая в те-

атре, стать замечательным мастером со светлым актерским разумом, заслуживает всяческого уважения. Как он сыграл главную мужскую роль в «Трех девушках в голубом»! А как он играл в «Тиле» — в спектакле 1974 года, который во многом определил сегодняшнее состояние «Ленкома»... Эти работы и последние его роли (в «Королевских играх», в «Чайке», где он играет Сорина) говорят об очень углубленном развитии его как артиста — артиста психологического театра с очень развитой нервной системой, с очень большим чувством правды. В нашей сложнейшей актерской профессии, которую я иногда, бывает, ругаю последними словами, есть водораздел, который наступает примерно в районе сорока лет. Бывают, конечно, всякие исключения, но обычно в этом возрасте один актер начинает использовать набор известных приемов, которыми он и пользуется в дальнейшем в разных сочетаниях, а другой идет дорогой более сложной и не занимается «покраской» интонаций — его работа над сценическим образом идет гораздо более глубоко, может быть, на каком-то клеточном уровне.

Юрий Колычев счастливым образом прошел эту развилку и стал мастером глубоко правдивым. Нужно добавить, что Юрий Осипович — человек очень интеллигентный и добрый. Он не затратил энергию на злость. В нашей профессии мы все конкурируем друг с другом, и иногда спортивный азарт и жажда успеха приводят к каким-то срывам. Злость мешает человеку, портит его характер, а в конечном счете корежит и его дарование. Юрий Колычев миновал и это искушение, остался добрым, щедрым человеком.

И еще: я подозреваю (и часто это повторяю), что очень многое в жизни зависит от близкого человека. Юрию Осиповичу повезло — у него умная жена, которая несколько старше его. Я думаю, что она — впрочем, это моя гипотеза, не основанная ни на каких научных выкладках, — очень много сделала, чтобы превратить Юрия Колычева в мастера такого класса.